

дивавшимися взаимоотношениями. Большое значение для формирования мальчишеского дворового содружества имели книги, особенно приключенческая литература и научная фантастика. Все это красочно описано в воспоминаниях.

В связи с семейными обстоятельствами Л.Ю. Слезкин, будучи школьником, покидал Москву на длительное время и жил с матерью в других городах, в театрах которых она работала. Он побывал в Вологде, Сызрани, Смоленске, Туле, Севастополе. На страницах книги даны весьма любопытные зарисовки провинциального быта.

Постепенно происходило взросление и становление характера, проявлялось стремление к самостоятельности, в том числе и в суждениях. Так, Л.Ю. Слезкин пишет: «До Самары (начало 1930-х годов. – Л.Т.), несмотря на весьма скромный образ жизни нашей семьи, я воспринимал его как естественный и не соотносил с общим положением в стране. Перемены в семье, Переславль и Сызрань, куда гром “социалистических преобразований” только еще докатывался, а также летние развлечения заслоняли от меня происходившие в то время в стране радикальные перемены. В Самаре я впервые обратил внимание на то, что положение семьи и окружающих, бытовое и материальное, ухудшается» (с. 153). Показательно было, например, отношение к фигуре Павлика Морозова: “Дело заключалось не в том, что я усомнился в пионерской идейности Павлика и убийстве его именно кулаками или подкулачниками. Мне было чуждо его предательство, донос на собственного отца. В другие времена, когда возникали разговоры о Павлике Морозове, я придерживался этой точки зрения” (с. 155).

Подростком Л.Ю. Слѣзкин был серьезно увлечен морем, мечтал о дальних странах, читал много книг по этой тематике. Счастливой порой автор назвал свое пребывание в Коктебеле летом 1937 г. Следующий учебный год он провел в Севастополе, где стал членом морского клуба, научился гребле на шлюпках и велботах и, конечно, ходить на яхте под парусами.

В Туле 22 июня 1939 г. Л.Ю. Слѣзкин получил аттестат об окончании средней школы. Он пишет, что в этом городе сложился его взгляд на судебные процессы над “врагами народа” и массовые аресты. “В Смоленске то и другое воспринималось как странная аномалия в советской жизни, не вызывавшая подозрения в злом умысле советских правителей, меня и мою семью не касавшаяся. В Севастополе прокатившиеся там аресты вызвали, как можно было заметить, значительный шок. Об этом не говорилось вслух, но это улавливалось в тоне

и намеках, в настроениях немалого числа людей” (с. 279). Л.Ю. Слѣзкин подчеркивает, что, осуждая “ежовщину” и иные “перегибы” он и его близкие оставались советскими людьми. Вместе с тем, он отмечает, что радикализации его собственной позиции «препятствовали окончание ежовского периода репрессий, что несколько освежило сгустившуюся “атмосферу оптимизма”, а также нависшая угроза войны с Германией, что придавало советскому патриотизму образ патриотизма отечественного» (с. 284).

Поступление Л.Ю. Слѣзкина в Московский юридический институт Прокуратуры СССР совпало с началом Второй мировой войны. Автор пишет о настроениях в обществе, своих личных ощущениях и растущих симпатиях к полякам и их союзникам “вопреки официальной пронемецкой пропаганде” в СССР в тот период. Весьма показательны изначальные морально-психологические мотивы, лежавшие в основе решения юноши самому обратиться в военкомат, ибо, с одной стороны, он не хотел отставать от уже призванных на военную службу многих своих приятелей, а с другой – ему казалось, что в ином случае он не только не примет участия в “облегчении судьбы поляков, но и вообще участия в какой-либо войне...”, а сколько читано и слышано о войнах!” (с. 294).

Осенью 1939 г. Л.Ю. Слѣзкин был призван в армию, но вместо ВМФ, куда он стремился и куда должен был быть направлен, стал рядовым танкового полка, стоявшего под Лугой. Начался новый период жизни, появились новые друзья. Армейские будни оказались далеки от романтических представлений и пропагандистских клише. Любопытны некоторые суждения автора на армейскую тему. Так, он пишет: “Если не касаться расправы Сталина над немалой частью высшего и среднего командного состава и некоторых перемен, происходивших к концу Отечественной войны, то на основании моего десятилетнего пребывания в Красной Армии могу сказать, что существовавшие в ней порядки были, в основном, приемлемыми. Их приемлемость заключалась, главным образом, в признании и за солдатом и за командиром права на человеческое достоинство, насколько это вообще возможно в армейских условиях, условиях войны и советского режима. Корни этого признания лежали в отношениях, которые складывались в Красной Армии в первое десятилетие ее существования” (с. 310–311).

В июне 1940 г. полк, в котором служил молодой солдат, был на непродолжительное время введен на территорию Эстонии. Это дало возможность впервые увидеть жизнь граждан

другого государства и сделать интересные наблюдения.

Последняя глава воспоминаний посвящена героическому и одновременно трагическому периоду в истории советского народа – Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л.Ю. Слѣзкин участвовал в боевых действиях с 22 июня 1941 г. до начала февраля 1944 г., когда во время наступления Волховского фронта в ходе Ленинградско-Новгородской операции получил тяжелое ранение. Несмотря на то, что о войне написано очень много, в том числе и мемуаров, но, как представляется, сама тема “человек на войне” неисчерпаема. Автор описывает события сквозь призму личного восприятия и опыта. Без лишнего пафоса, но очень ярко ему удалось передать атмосферу происходившего. Здесь и неразбериха, отчаяние, бомбежки, обстрелы, жестокие бои с врагом, гибель товарищей, трагедия отступления, громадное человеческое горе, оборона, первые ответные успешные действия и т.д. Постепенно неопытные бойцы превращались в настоящих воинов – защитников Отечества, уверенных в победе. Л.Ю. Слѣзкин имеет боевые награды, в частности ордена “Красного Знамени”, “Отечественной войны 1-й степени”, “Красной Звезды” и многие медали.

Некоторые эпизоды книги потрясают. Так, в июне 1942 г. автор находился в районе, где печально знаменитая 2-я ударная армия пыталась выйти из окружения. Л.Ю. Слѣзкин вспоминает: “Передо мною – вид недавней [битвы] ... Дорога и прилегающая к ней земля, изрытая воронками, завалены трупами: лю-

дей..., а также лошадей... Между теми и другими – изуродованные артиллерийские орудия, передки, повозки, походные кухни, снарядные ящики, рассыпанные снаряды и прочее военное имущество и снаряжение. На дороге все это утрамбовано танками в кровотокающую массу, по которой невозможно ступить в прямом и переносном смысле” (с. 442).

Однако война – это не только бои, но и повседневный фронтовой быт и жизнь тыла с ее трагедиями и тяготами, а иногда и радостями, о чем автор тоже подробно рассказывает. После ранения он продолжал военную службу в Москве и стал студентом исторического факультета МГУ.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что труд Л.Ю. Слѣзкина является важным историческим источником, передавшим “атмосферу ушедшей эпохи” со всем ее героизмом и самоотверженностью, успехами и провалами. Нельзя не восхищаться тем, как много помнит автор. Дополнительную ценность этому яркому повествованию придает публикация части сохранившейся уникальной семейной переписки и фотографий, ряда других документов. Книга читается “на одном дыхании”. Хочется надеяться, что, несмотря на небольшой тираж, она найдет много благодарных читателей.

Л.М. Троицкая,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

M.N. Soleim. SOVJETISKE KRIGSFANGER I NORGE 1941–1945; ANTALL, ORGANISERING OG REPATRIERING. Oslo: Spartacus Forlag, 2009, 464 s.
М.Н. Сулейм. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В НОРВЕГИИ В 1941–1945 гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ, ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕПАТРИАЦИЯ. Осло, 2009.

В 2009 г. в Норвегии увидела свет книга сотрудницы научно-исследовательского центра г. Фальстад М.Н. Сулейм, рассказывающая о положении советских военнопленных в Норвегии в 1941–1945 гг. В эти годы в нацистских лагерях на территории Норвегии находилось более 100 тыс. заключенных из Советского Союза, что составляло менее 2% советских военнопленных, содержащихся в нацистских лагерях (с. 6). Около 13 тыс. из них погибли на норвежской земле (с. 97).

В связи с отмечающимся в этом году 65-летием Победы Президент России Д.А. Мед-

ведев во время официального визита в Норвегию (26–27 апреля 2010 г.) почтил память советских солдат, в том числе военнопленных, погибших на норвежской земле¹; к их памяти в Норвегии относятся с особым уважением. Научные исследования по истории советских пленных в годы Великой Отечественной войны стали появляться в нашей стране с сере-

¹ Сельницин А.А. Визит Медведева в Норвегию, 28.04.2010. – Вся Норвегия на русском. – <http://norge.ru/news/2010/04/28/11254.html>

дины 1980-х годов². На рубеже 1990–2000-х годов сформировалась российская школа специалистов по данной проблематике³. Первой в отечественной историографии работой о советских военнопленных в Норвегии является диссертация М.М. Паникар⁴; историк создала специальный Интернет-сайт⁵. С конца 1980-х годов в университетах Осло, Бергена и Тромсё было защищено шесть диссертаций по истории военнопленных из Восточной Европы и СССР в Норвегии, в частности работа М.Н. Сулейм⁶.

Недавно вышедшая в свет новая книга М.Н. Сулейм посвящена судьбе советских пленных в Норвегии. Исследование основано на материалах архивов Норвегии, Германии, Великобритании, на воспоминаниях бывших пленных, свидетельствах очевидцев. Одна из 15 глав книги посвящена условиям нахождения советских людей в нацистских лагерях (с. 51–98), две – организации лагерной системы в Норвегии и условиям труда пленных, среди которых были как бойцы Красной Армии, так и угнанные мирные жители – “остарбайтеры” (с. 99–160). В четырех главах анализируются взаимоотношения норвежцев и советских пленных (с. 174–239). Значительная часть работы посвящена изучению проблемы возвращения советских граждан на родину (с. 240–364). Автор ставит перед собой задачу не столько описать, как протекала жизнь советских узников в нацистском плену, сколько проанализировать влияние этого явления на последующую внутреннюю и внешнюю политику норвежского правительства, в частности, на отношения Норвегии и СССР.

В Норвегии советские военнопленные в основном использовались вермахтом как бесплатная рабочая сила для военных нужд. Ссылаясь на то, что СССР не подписал Женевскую

конвенцию 1929 г., нацисты не считались с международными правилами гуманного отношения к пленным. В Норвегии общие для трудовых лагерей условия содержания пленных в бараках, где царили антисанитария, голод, отсутствовала элементарная медицинская помощь (и это при ежесуточной, изнурительной физической нагрузке), усугублялись суровым скандинавским климатом (с. 55–70). Силами советских военнопленных строились стратегически важные для нацистской Германии объекты: арктическая железная дорога от г. Му-и-Рана до г. Киркенес, автодорога, связывавшая северную Норвегию с Финляндией, Атлантический вал (линия оборонительных сооружений вдоль западного побережья Норвегии). Кроме того, советские пленные были брошены на строительство аэродромов, бомбоубежищ для немецких подводных лодок в Тронхейме и Бергене (с. 126–147).

В связи с несомненным значением для экономики Норвегии инфраструктуры, созданной в годы оккупации, М.Н. Сулейм поднимает болезненный для послевоенных норвежских властей вопрос об оценке и компенсации принудительного труда советских граждан (с. 350–364). Исследовательница отмечает, что необоснованные опасения требований со стороны СССР материального возмещения за этот труд побуждали норвежские власти фальсифицировать статистические данные по советским военнопленным. Например, по официальным норвежским послевоенным данным годовая производительность труда советских пленных оценивалась в 10% от средней производительности других групп военнопленных, хотя, по подсчетам европейских исследователей, должна была составить 40–50% (с. 351). По мнению М.Н. Сулейм, во время работы смешанной советско-норвежской комиссии по делам военнопленных (1946–1948 гг.) началась политизация этого вопроса, что имело продолжение в годы “холодной войны” в связи с процессами по перемещению останков погибших в нацистском плену на территории Норвегии советских граждан.

Важным и наиболее известным отечественному читателю является сюжет, связанный с помощью простых норвежцев советским военнопленным⁷. В рассказах очевидцев говорится о взаимной симпатии, моральной поддержке и безграничном доверии двух народов, единых

² Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М., 1986; Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти. Аппарат нацизма в нацистской Германии 1933–1945. М., 1987.

³ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1941–1955. – История СССР, 1990, № 4, с. 26–41; *его же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.). – Социологические исследования, 1995, № 5, с. 3–13; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

⁴ Паникар М.М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны. (Автореферат канд. дисс.) Архангельск, 2008.

⁵ <http://www.panikar.ru/>

⁶ Soleim M.N. Slavearbeiderne fra øst. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941–45. – Forsvarsstudier, Oslo, 2005; См. рецензию А.С. Кана в журнале “Вопросы истории” в № 6 за 2006 г.

⁷ Эстрем М. Дневник “русской мамы”. М., 1959; Искрин М.Г. В борьбе против гитлеровских оккупантов в Норвегии. – Новая и новейшая история, 1962, № 6; *его же*. Письма из Норвегии. (Воспоминания норвежцев о советских людях в оккупированной Норвегии.) – Скандинавский сборник, вып. 23. Таллин, 1978.

в своем желании победить врага. По мнению М.Н. Сулейм, картина отношений советских военнопленных и норвежцев не была столь однозначна. Ее одностороннее освещение объясняется тем, что в краеведческой литературе, прессе и дневниках не упоминается о тех, кто сотрудничал с нацистскими оккупантами (с. 197–205).

Гитлеровцы вели антисоветскую пропаганду на оккупированных территориях. В Норвегии это проявлялось, в частности, в создании на страницах подконтрольной нацистскому правительству прессы образа “советского варвара” (с. 161–173), что, правда, было малоэффективно, поскольку норвежцы неоднократно видели длинные колонны военнопленных, изможденный облик которых внушал искреннюю жалость. Несмотря на строжайший запрет местному населению общаться с заключенными лагерей, норвежцы всячески стремились помочь советским военнопленным. С риском для жизни норвежцы снабжали пленный едой, одеждой, ободряли их теплым взглядом и добрым словом (с. 206–239). Автор подчеркивает, что эта помощь проявлялась стихийно (с. 238).

Одна из ключевых проблем в книге М.Н. Сулейм – репатриация советских граждан. Эта многоступенчатая процедура регламентировалась “Административной инструкцией 101” от 10 июня 1945 г., выработанной союзниками и представителями норвежских сухопутных войск (с. 279). Советские граждане, поделенные советскими властями на четыре основные категории: военнопленные, “остарбайтеры”, “власовцы”, женщины с детьми (с. 251), вывозились из пяти областей Норвегии: Тромсё, Тронхейм, Осло, Берген, Ставангер (с. 271). Кроме того, существовали группы “спорных лиц”, состоявшие из граждан государств, присоединенных к СССР после 1 сентября 1939 г.

К сожалению, вернувшихся из плена и прошедших горнило фильтрационных лагерей, где определялась лояльность советскому режиму, ожидала в лучшем случае изоляция

от общества, заклеймившего их позором и презрением.

В Норвегии, по замечанию М.Н. Сулейм, репатриация советских граждан проходила относительно быстро. На территории Норвегии находилось много других иностранцев, подлежащих возвращению на родину (только в области Нурланд их было 35–40 тыс.), и норвежские власти не желали нести дополнительную ответственность (с. 255, 259). Состояние здоровья большинства освобожденных пленных было критическим и требовало медицинской помощи, которую отчасти взял на себя Норвежский Красный Крест совместно с Красным Крестом Швеции (с. 263–264, 269–270).

На основе анализа британских архивных источников и базы данных норвежского Королевского архива о репатрированных советских гражданах (к сожалению, М.Н. Сулейм не использовала российские архивы и архивы стран бывшего СССР) автор систематизировала и обобщила статистический материал о маршрутах транспортировки, национальности, возрасте и численности советских пленных. Общее количество подлежащих репатриации в СССР составляло 84 тыс. 351 чел., из которых 31 тыс. 456 чел. находились в возрасте от 26 до 35 лет. Подавляющее большинство, 65 тыс. 479 чел., было переправлено в СССР по железной дороге через Швецию, остальные вывозились водным путем в Мурманск (с. 287–289).

Одним из достоинств книги является то, что ткань повествования пронизана ниточками живых человеческих судеб. В книге использованы уникальные фотографии из частных архивов. Стоит отметить эмоционально выдержанный, взвешенный подход автора к сложному материалу. Монография М.Н. Сулейм является глубоким и многоплановым научным исследованием. Русский перевод этой книги имел бы большую научную ценность.

А.С. Касиян,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИВИ РАН.